

Инсценировка пьесы А.Н. Островского «Гроза»

Действие первое

Явление пятое

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать*, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала*.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас не послушаться*!

Кабанова. Не очень-то сейчас старших уважают*.

Варвара (про себя). Не уважишь тебя, как же!

Кабанов. Я, кажется, маменька, без вашей воли ни на шаг*.

Кабанова. Поверила бы я тебе, мой друг, если бы своими глазами не видела и своими ушами не слышала, какое теперь стало почтение родителям от детей!

Кабанов. Я, маменька...

Кабанова. Если мама что когда и обидное скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?

Кабанов. Да когда же я, маменька, не переносил от Вас?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны на нас, дураков обижаться.

Кабанов (вздыхая в сторону). Ах ты, господи! (*Матери.*) Да можем ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Ведь из-за любви родители и строги к вам бывают, из-за любви вас и ругают, всё думают добру научить. Ну, а это теперь не нравится.

Кабанов. Неужели, маменька, кто-то что-то говорит про вас плохое?

Кабанова. Не слышала, мой друг, не слышала, врать не хочу. Если бы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. (*Вздыхает.*)

Кабанов. Да отсохни язык...*

Кабанова. Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

Кабанов. В чём же вы, маменька, это видите?

Кабанова. Да во всем, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у нее сердце говорит, она сердцем может чувствовать.

Кабанов. Да нет, маменька! что вы!

Катерина. Для меня, маменька, всё одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, если тебя не спрашивают. Хочешь, чтобы видели, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара (про себя). Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я все одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела.

Катерина. За что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Вот важная птица! Уж и обиделась сейчас.

К а т е р и н а . Напрасно-то терпеть кому ж приятно!

К а б а н о в а . Знаю я, знаю, что вам не нравятся мои слова. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождётесь, поживёте и на воле, когда меня не будет.

К а б а н о в . Да мы об вас, маменька, бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

К а б а н о в а . Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой*. До меня ли тебе; у тебя жена молодая.

К а б а н о в . Одно другому не мешает: жена – это одно, а к матери я почтение имею.

К а б а н о в а . Так променяешь ты жену на мать? Я этому не поверю.

К а б а н о в . Да для чего же мне менять? Я обеих люблю.

К а б а н о в а . Ну да, да! Уж я вижу, что я вам помеха.

К а б а н о в . Думайте как хотите, на всё есть ваша воля.

К а б а н о в а . Что ты нюни-то* распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

К а б а н о в . Да зачем же ей бояться? Мне и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а . Как зачем бояться! Как зачем бояться! Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? По-вашему, закон ничего не значит?

К а б а н о в . Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а . Так, по-твоему, нужно всё лаской* с женой? Уж и не крикнуть на неё?

К а б а н о в . Да, ей-богу, маменька...

К а б а н о в а (совершенно хладнокровно). Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить!

Я домой иду.

К а б а н о в . И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдем.

К а б а н о в а . Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас ждать! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в . Нет, маменька! Сохрани меня господи!

К а б а н о в а . То-то же! *(Уходит.)*

Явление шестое

Т е ж е без Кабановой.

К а б а н о в . Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

К а т е р и н а . Чем же я-то виновата?

К а б а н о в . Кто ж виноват, я уж не знаю.

В а р в а р а . Где тебе знать!

К а б а н о в . То все приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого!» А теперь поедом ест, проходу не дает — всё за тебя.

В а р в а р а . Так в чём она виновата! Мать её ругает, и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя. *(Отворачивается.)*

К а б а н о в . Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

В а р в а р а . Знай свое дело — молчи, если уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

К а б а н о в . Ну, а что?

Варвара. Известно что. К Савелу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

Кабанов. Угадала, брат.

Катерина. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

Варвара. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

Кабанов. Уж как не знать!

Варвара. Нам тоже не велика охота из-за тебя брань-то принимать.

Кабанов. Я мигом. Подождите! (*Уходит.*)

Явление седьмое

Катерина и Варвара.

Катерина. Так ты, Варя, жалеешь меня?

Варвара (*глядя в сторону*). Разумеется, жалко.

Катерина. Так ты, значит, любишь меня? (*Крепко целует.*)

Варвара. За что ж мне тебя не любить-то!

Катерина. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

Варвара. Что?

Катерина. Отчего люди не летают!

Варвара. Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела.

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина (*вздыхая*). Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла*, наряжала меня, как куклу, работать не заставляла; что хочу, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках*? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, рано; если летом, так схожу на речку умоюсь, принесу с собою воды и все, все цветы в доме полью*. У меня цветов было много-много. Потом пойдем с маменькой в церковь. А придём из церкви, сядем за какую-нибудь работу. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Так хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь всё как будто из-под неволи. Я любила в церковь ходить! Как будто я в рай вхожу, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как всё это в одну секунду было. Или рано утром в сад уйду, еще только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чём молюсь и о чём плачу. И о чём я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мне не надо, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина (*помолчав*). Я умру скоро.

Варвара. Что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина (*берет ее за руку*). А вот что, Варя, быть беде какой-то! Такой на меня страх! Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. (*Хватается за голову рукой.*)

Варвара. Что с тобой? Здоровы ли ты?

Катерина. Здоровы... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от неё не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара (*оглядываясь*). Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придёт что, если бы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, обнявшись*...

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты откуда знаешь?

Варвара. Еще бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех* у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другго люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

Катерина. Что же мне делать! Куда мне деваться; я от тоски* что-нибудь сделаю над собой!

Варвара. Что ты! Что с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

Варвара. Чего ты так испугалась?

Катерина. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

Варвара. А вот погоди, там увидим.

Катерина. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу!

Варвара. А зачем мучиться? Хоть умирай, а тебя не пожалеют! Так зачем себя мучить-то!